

ХОР
БОЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

Посвящается Мишель, давшей мне смысл

Я хочу поблагодарить за дружбу, поддержку
и вдохновение во время написания
этой повести следующих людей:
Джека Кейди, Ли Сеймур, Эда Кормана,
Билла Пронзини, Джерарда Хорнера,
Мэтта Шварца, Каниглиа, Т. М. Райта,
Саймона Кларка и Тима Леббона.

И выражаю отдельную благодарность
Джереми Лассену и Джейсону Уильямсу,
услышавшим странную песню

ПЕРВАЯ ГЛАВА

МЫ СУДОРОЖНО ПРОДВИГАЕМСЯ ВПЕРЕД. Мои братья — потому что у них общая лобная доля мозга, а я — просто потому, что нет иного способа продолжать движение.

У них три глотки и три тела, три независимых сознания и множество чувств, но всего один голос. У них даже есть любовница, Доди Кутс, которая спит в ногах их широченной двуспальной кровати и тыльная сторона кисти которой трется о колено Себастьяна. Ее дыхание отдает бурбоном и шоколадом, а в уголках рта застряло несколько волосков.

Теперь она делает для них то, что всегда делал я — опорожняет утки, кормит с ложечки отдельно каждый рот, помогает им надеть свежие пижамы, подает губки для мытья и помогает чистить зубы, которые, насколько мне видно, остаются белыми и ухоженными.

Они дремлют, и пот стекает с морщин на их громадном лбу, а потом шепотом пересказывают мне свои фантазии. Каждый рот издает свои звуки, пытаюсь выразить свою особую идею, с индивидуальным, ограниченным набором эмоций. Себастьян полон злобы, Джонас — сожаления, а Коул всегда говорит о любви, и только о ней, какие бы

отвратительные слова он при этом не употреблял. Они убили шестилетнего ребенка. По крайней мере, так сказали. Они не очень ясно об этом говорят. Иногда рассказывают так, словно убили его, а в другой раз — будто только нашли. Я не обнаружил ни тела, ни доказательств, ни сообщений о пропавшем ребенке, однако ночи напролет слушал, как они бормочут об этом, а Коул до сих пор говорит о любви.

Это случилось раньше. Однажды я нашел в болоте мертвого мальчика.

Мои братья общаются лицом к лицу, при этом нужды шевелить губами у них нет. Они беседуют внутри единой огромной лысой головы, где одновременно живут разные сознания. Молча они ссорятся, спорят и приходят к согласию, лежа в кровати с раздутыми ноздрями и порой хлопая друг друга по рукам. С рождения они смотрят друг другу в глаза, объединенные общей кровеносной системой и курсирующими в ней нейромедиаторами. У них всего один эпифиз, известный также как шишковидная железа, который наши предки, верившие в его мистические свойства, называли «третьим глазом».

Из-за этого их гигантский мозг вырабатывает слишком мало мелатонина, который регулирует ежедневные ритмы тела, и, прежде всего, циркадные, определяющие цикл сна и бодрствования. Все, что доступно их взору, искажено этой бесконечной близостью — физической и духовной. Их ноздри разделяет всего несколько дюймов, они вдыхают и выдыхают один и тот же спертый воздух, не видя почти ничего, кроме гримас на своих лицах. Словно слепые дети, они не в состоянии отличить утро от полночи.

Когда они говорят со мной, то часто ведут речь от первого лица, и порой мне трудно отличить, кто именно говорит и все ли они чувствуют одно и то же.

Доди посапывает во сне. Она вздыхает и мурчит, растянувшись так, что лунный свет отражается от ее бедра. Об оконное стекло тихо шуршат сухие листья. Она придвигается к моим братьям и пробует всех по очереди, потирая огромные выпуклые изгибы лба, проходясь по каждому из трех хилых корявых тел. Костяшки пальцев упираются в изголовье, а четыре пары ног сплетаются и пинаются во сне.

Я стараюсь не смотреть туда и в конце концов начинаю пялиться в стену. Опускающаяся ниже луна высвечивает их скорчившиеся тени, и я вижу, какие фантастические вещи она творит каждым мускулом, всеми своими податливыми изгибами, пока братья неразборчиво бормочут ее имя. Имя, полное горечи, сомнений и ощущения чуда.

Ее мать, Вельма Кутс, отдала мне Доди в уплату за то, что я выгнал глистов из двух коров и починил крышу лачуги, которая за много лет насквозь прогнила от сырости и дождя и покрылась лишайником. Мы с братьями — самые богатые люди в нашем городке Кингдом Кам¹, округ Поттс, и все равно колдунья сочла нужным мне отплатить. Я знаю, что цена не имела для нее значения. Просто услуга за услугу.

Доди села в мой пикап, положив на колени охапку грязной одежды, и не промолвила ни слова. Я даже не был уверен, что она может говорить, пока однажды она меня не разбудила, когда между всех этих ног, зажатая словно в клетке между их костей, скрытая под всей этой плотью, она завывала: *«Господи, помоги мне сейчас и в час смерти моей, чертов ублюдок!»*

Такое вряд ли кому-то захочется услышать. Другие мужчины могли бы начать спорить с Вельмой Кутс или

---

¹ *Kingdom Come* (англ.) — Царство Божие; загробный мир. (Прим. пер.)

отказать ей, поэтому она совершила сделку именно со мной, отдав Доди, и поэтому я выгнал глистов именно из ее коров. Выпятив подбородок, колдунья стояла в ожидании, что произойдет дальше, в своем дворе под эльмом и соснами.

Я тоже ждал. Мой отец покончил с собой, потому что не сумел смириться с тем, как живут в наших глухих болотных топях, хотя сам никогда не покидал округ Поттс. Он боролся с традициями своего прошлого и заплатил за это.

Я мотаю головой и перестаю думать о Доди. Неважно, что мне пришлось сделать, но как мой отец я не кончу.

МОЖЕТ, У НАС ЕСТЬ ЕЩЕ И СЕСТРА, НО УВЕРЕННОСТИ у меня нет. Наши родители никогда о ней не рассказывали, но с левой стороны на моей грудной клетке есть странные вмятины, похожие на женские черты.

Может, конечно, это следы от ударов, оставшиеся после какой-то детской драки. Или ножевые шрамы после пьяных стычек в задней части бара. А может, следы от ногтей одной из придорожных девок, которых я не помню. Они прекрасны и незабываемы, когда ледяное пиво в сочетании с тройным виски размывают острые грани мира настолько, что их можно потерпеть еще пару минут. Женщины средних лет медленно танцуют со мной на мокром полу в кабаке Лидбеттера и стараются забыть о своих невзгодах, пока мы судорожно тащимся к парковке и на заднее сиденье моего пикапа.

ДЖОНАС ВЛЮБИЛСЯ В САРУ, КОТОРАЯ СНИМАЕТ студенческий документальный фильм о нашей семье.

Уже пару недель она живет в доме вместе со своим оператором, Фредом. Сара пытается взять у меня интервью, но думает, что я очередной тупоголовый болотный крысеныш из Кингдом Кам, у которого все мозги отшибло от восьмидесятиградусного самогона. Она — типичная американо-еврейская принцесса; взяла старт прямо с золотого берега Лонг-Айленда, но ей нравится выдавать себя за богему Ист-Виллиджа.

На бедре у нее есть татуировка, которую можно заметить, когда Сара встает на цыпочки, чтобы вкрутить дешевые галогеновые лампочки и поправить алюминиевые отражатели, но мне не удастся разглядеть, что там изображено. Контуры обведены нечетко, а цвет потускнел. Пирсинг в ее пупке я нахожу довольно сексуальным. Вокруг него — шрам, который выглядит воспаленным. Сара из тех девушек, которые могли бы провозить контрабандный гашиш в переплете книги Д. М. Томаса «Белый отель». Она хочет быть эксцентричной, но для этого кишка у нее тонка.

Мои братья приводят ее в ужас, и ей не сдержать подступающей тошноты. Себастьян фыркает, когда Сара внезапно бледнеет в их обществе, изо всех сил пытаюсь не сбить, но все равно приобретает нежно-зеленый цвет, сглатывая желчь. Она говорит о кинофестивале «Сан-дэнс», повторяя слова как мантру.

Себастьян тоже повторяет эти слова, и все их языки приходят в движение. Мои братья говорят будто одно существо — каждый рот работает как органчик, проигрывая свою часть общего высказывания. Так работает их мозг. «Ч» досталось Себастьяну, как и гортанные звуки, «а» и «о», названия других стран и местоимения; все слова, для произнесения которых зубы смыкаются.

Джонасу принадлежат шипящие, звук «ф» и оргазмически длинное «е», названия мелодий и сериалов, все поэтические строки.

Коулу достались «р» и твердые согласные, наречия, числа после десяти, ругательства, цвета, нежности и все предлоги.

Пытаясь справиться со своими страхами, Сара употребляет неслабое количество кокаина и оставляет платки с каплями крови в мусорной корзине и на ободке унитаза. Ей приходится быть осторожной, когда она лезет в свою сумку, чтобы не порезать пальцы о лезвие бритвы. Время от времени она так импозитивно шмыгает носом, что раздастся громкий свист. Кстати, часть ее носа осталась на полу какого-то хирурга на Манхэттене, но нельзя сказать, что она получила то, за что заплатил ее отец.

Фред устанавливает камеру и развлекается со своим экспонометром, делая замеры по всей гостиной. Он использует светофильтр «Тиффен Блэк Про Мист № ½», чтобы смягчить блеск латуни и стекла, слюнявые зубы и отталкивающий внешний вид братьев. Я смотрю на него с легкой улыбкой, на которую он отвечает, закатывая глаза и отворачиваясь к эргерному окну, чтобы настроить жалюзи. Он произносит «гребаная деревенщина» достаточно громко, чтобы я услышал, поскольку думает, что я слишком глуп, чтобы принять это за оскорбление.

Я и впрямь не собираюсь принимать это за оскорбление, но внутри меня разгорается пожар, и я готов сломать ему руку в двух местах.

Джонас, который полон сожалений, хмурится и раздвигает губы, вкладывая обиду в каждый выговариваемый слог. Он заставляет Себастьяна и Коула катиться колесом все дальше, чтобы подобраться ближе к Саре. Он чертовски старается. Слышно, как хрустят их суставы, какие

странные звуки издают почти атрофированные мышцы, задевающие друг за друга. Руками они обняли один другого за талии, словно готовясь начать странную пляску а-ля рус.

Джонас трется о Сару, как животное, кем она его и считает, как и все остальные, включая меня. Она еле сдерживает рвотный позыв. Обычно мы не утруждаем себя замечанием, но отвращения не скрываем, и когда Сара закончит то, что считает фильмом, будет мечтать утопить нас в реке.

Я сижу на диванчике и стараюсь выглядеть тупо, но не совсем идиотически. Это дается легче, чем должно бы. Сара ставит цифровое записывающее устройство прямо в середине комнаты, а миникассетник — на столе, точно между нами. Она постоянно задает одни и те же вопросы, надеясь, что, если я буду говорить достаточно долго, — даже не дав адекватного ответа, скажу достаточно, чтобы ей удалось смонтировать на основе записи что-то имеющее смысл.

— Расскажи мне, Томас, каково жить с сиамскими тройняшками?

Конечно, так их не называют — так говорить неправильно, и то, что она употребила именно такой термин, говорит о ее полном невежестве в этой области. Но я не могу ее винить. А понять, каково это, невозможно даже нам самим.

— Отлично.

— Не могли бы вы выразиться немного яснее?

Я наклоняюсь поближе к магнитофону.

— Отлично!

На ее лице застыла улыбка, а верхний ряд зубных коронок выглядит так, словно они в любой момент могут развалиться на куски. Волосы в ее ноздрах выжиг кокаин.

— Нет, Томас,— говорит она сквозь зубы.— *Яснее* не значит громче, это значит — рассказать поподробнее.

— О чем?

— О жизни с вашими братьями.

Я наклоняюсь вперед:

— Мы ладим отлично!

Маленький магнитофон тихо жужжит, а Сара натужно сглатывает. Жилка под ее левым ухом пульсирует так яростно, что длинные золотые сережки начинают раскачиваться. Я должен признать, что она довольно привлекательная девушка, и понимаю, почему Джонас влюбился в нее, несмотря на такое ее отношение. Не понимаю я лишь того, почему это же не произошло с Себастьяном и Коулом.

Хорошо, что Фред использует туманный фильтр, потому что язык Сары выглядывает наружу, а он очень слизистый.

— Почему вы спите с ними в одной спальне?

— Это моя комната.

— У вас такой очаровательный старинный особняк, достаточно большой, чтобы разместить под одной крышей пять семейств.

Я киваю и говорю:

— Да, это хорошо.

— Вам не нужно личное пространство? Почему вы спите в одной спальне с братьями?

— У меня всегда есть личное пространство. Это наша комната. Мы присматриваем друг за другом.

Последние мои слова — чистая правда.

Края ее ноздрей пронизаны лопнувшими сосудиками розового цвета, что одновременно и отвратительно, и слегка возбуждает. Волосы Сары выкрашены в темно-фиолетовый цвет, а груди великоваты — как раз как

любит Джонас. Колени идеальны — не слишком белые и не слишком большие, а кончик языка постоянно касается блестящих губ. Ее лицемерие сейчас хлещет через край. Джонас, пользуясь боковым зрением, глазеет на Сару и старается как-то выразить свою любовь. Он начинает трястись и хихикать, и, следовательно, этим занимается вся троица: удовольствие для его сознания означает наслаждение для всех.

Фред пытается сдержать злобу и насмешку, но не в состоянии это сделать. Я смотрю, как он дюйм за дюймом пятится назад, а на его мускулистой глотке вздуваются вены. Он издает лающий звук, выражающий отвращение, и наставляет камеру на окно, ища Доди, которая раскачивается перед домом на качелях, сделанных из старой крыши. Он приближает изображение, стараясь снять крупным планом ее ляжки.

— Сара, меня достал этот дом и эти придурки. Пойдем отсюда, давай лучше снимать кино про твоего дедушку с болезнью Альцгеймера.

— Нет.

— Нельзя представить себе ничего менее захватывающего. Постой, а старая леди с двумя хвостиками и в памперсах, зовущая маму? Вот поистине бесценный материал!

— Здесь наша тема.

— Здесь умственно отсталые, и, когда придет время, нам будет нечего показать, кроме огромных кредитных счетов. Один прокат машины чего стоит, и в среду мне нужно вернуть цифровой магнитофон в университет, или профессор Джеймс закатит истерику. Я расписался за аппаратуру и отвечаю за нее.

Сара пытается продолжать — нажимает на пусковую кнопку кассетника и подталкивает его ближе ко мне.